

**Решения
Конституционного Суда
Российской Федерации
по делам о проверке
конституционности
уголовного
и уголовно-процессуального
законодательства
России**

1995—2001

Издательство «Палеотип»
Издательско-книготорговый центр «Маркетинг»
Москва, 2002

ББК 67.408
Р 47

Составители:

Николай Трофимович Ведерников — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Александр Николаевич Ткач — студент факультета права Государственного университета — Высшей школы экономики.

Р 47 **Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России / Сост. Н. Т. Ведерников и А. Н. Ткач. — М.: Издательство «Палеотип»: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2002. — 388 с.**

ISBN 5-94727-005-6 (Палеотип)

ISBN 5-94462-196-6 (Маркетинг)

В настоящем издании собраны решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного судопроизводства, принятые за период 1995 — начало 2001 г. Сборник включает все постановления и опубликованные определения Конституционного Суда РФ по применению Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Закона РФ «О государственной тайне».

Для адвокатов, судей, работников правоохранительных органов, научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов.

Тексты документов приведены по состоянию на 5 июля 2001 г.

*Составители выражают благодарность
заведующей кафедрой уголовного права и процесса
Государственного университета — высшей школы экономики
кандидату юридических наук, профессору К. Ф. Шергиной
за конструктивную помощь при составлении
настоящего сборника*

© Н. Т. Ведерников,

А. Н. Ткач — сост., 2001

ISBN 5-94727-005-6 (Палеотип)

© Издательство «Палеотип», 2001

ISBN 5-94462-196-6 (Маркетинг)

© ИКЦ «Маркетинг», 2001

Предисловие

Принятие в 1993 году новой Конституции Российской Федерации, в ряде положений которой прямо закреплены основополагающие принципы уголовного судопроизводства, выдвинули в числе актуальных задач необходимость коренного пересмотра уголовного процессуального законодательства, в частности принятие нового Уголовно-процессуального кодекса страны. К сожалению, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации до настоящего момента не решила этой задачи.

В этих условиях Конституционный Суд Российской Федерации по существу был поставлен в такие условия, когда он, реагируя на обращения к нему органов власти субъектов Федерации, судов (судей) и в особенности граждан, рассмотрел значительное число конкретных дел на предмет соответствия Основному Закону отдельных положений действующего УПК РСФСР. При этом Конституционный Суд Российской Федерации в ряде случаев был вынужден как бы подменять собой законодателя, предлагая ему в незамедлительном порядке привести отдельные положения уголовно-процессуального закона в соответствие с Конституцией.

За период с 1995 года Конституционным Судом Российской Федерации в гласных публичных судебных процессах рассмотрено более 30 дел по различным вопросам уголовного процессуального законодательства, которые имеют в настоящее время весьма актуальное значение как для развития теории уголовного процесса, так и для совершенствования практики уголовного судопроизводства.

Собрание в настоящем издании постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного судопроизводства, принятых за период 1995—2001 гг., будет выступать в качестве ориги-

нального немаловажного источника учебно-вспомогательного материала для студентов при изучении курса уголовного процесса. В дальнейшем, по мере принятия новых нормативных решений Конституционного Суда Российской Федерации, настоящее издание может быть дополнено.

Весьма похвальным является то, что составителем настоящего учебного пособия выступает студент факультета права Государственного университета — Высшей школы экономики А. Н. Ткач. Остается поблагодарить его за проделанную работу и пожелать дальнейших успехов.

Н. Т. Ведерников,

судья Конституционного Суда РФ в отставке,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации

Часть первая
Решения Конституционного Суда
Российской Федерации
по делам о проверке
конституционности
уголовного законодательства России

Глава 1
Постановления Конституционного Суда
Российской Федерации
по делам о проверке конституционности
Уголовного кодекса
Российской Федерации

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ РЯДА
ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА “А” СТАТЬИ 64
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР В СВЯЗИ
С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В. А. СМИРНОВА

Постановление
Конституционного Суда Российской Федерации
от 20 декабря 1995 г. № 17-П

(Собрание законодательства Российской Федерации.
1996. 1996. № 1. Ст. 54)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Б. С. Эбзеева, судей М. В. Баглая, Н. В. Витрука, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, Ю. Д. Рудкина, Н. В. Селезнева, О. И. Тиунова, В. Г. Ярославцева,

с участием представителя стороны, обратившейся с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации — адвоката И. Л. Петрухина,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и тре-

тьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В. А. Смирнова на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом “а” статьи 64 УК РСФСР, примененным в его деле.

Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые положения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, устанавливающие уголовную ответственность за измену Родине в форме выдачи государственной или военной тайны иностранному государству, бегства за границу или отказа возвратиться из-за границы, оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н. В. Селезнева, объяснения представителя стороны, обратившейся с жалобой, выступления экспертов, специалиста, а также приглашенного в заседание представителя Генеральной прокуратуры Российской Федерации, исследовав имеющиеся материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда 26 октября 1982 года гражданин В. А. Смирнов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом “а” статьи 64 УК РСФСР (Измена Родине).

Кассационная и последующие жалобы В. А. Смирнова на незаконность и необоснованность приговора были оставлены без удовлетворения. 19 июня 1991 года Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту первого заместителя Генерального прокурора РСФСР, оставил приговор в силе, подтвердив тем самым вывод о виновности В. А. Смирнова в измене Родине, выразившейся в отказе возвратиться из-за границы, выдаче государственной тайны иностранным государствам и оказании им помощи в проведении враждебной деятельности.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации заявитель утверждает, что указанные положения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР противоречат ряду норм Конституции Российской Федерации о правах и свободах граждан, не согласуются с общепризнанными принципами и нормами международного пра-

ва и в результате их применения в конкретном уголовном деле были нарушены его права и свободы, последствия чего сохраняются и в настоящее время.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет суверенную государственность России, целостность и неприкосновенность ее территории в качестве одной из основ конституционного строя (преамбула частей 1 и 3 статьи 4). Органы государственной власти в пределах своих полномочий осуществляют предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечению обороны страны и безопасности государства (статьи 71, 80, 82, 83, 87, 114 и другие Конституции Российской Федерации).

Гражданин и государство в Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями. Гарантируя права и свободы человека и гражданина и обеспечивая их защиту, государство одновременно вправе устанавливать в федеральном законе ограничения прав и свобод в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации), в том числе предусматривать уголовную ответственность за деяния, умышленно совершенные в ущерб основным ценностям конституционного строя. При этом правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может рассматриваться как нанесение ущерба суверенитету Российской Федерации, обороне страны и безопасности государства и влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности за государственную измену (измену Родине).

3. В жалобе гражданина В. А. Смирнова содержится требование признать неконституционным положение пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, в соответствии с которым бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы квалифицируются как одна из форм измены Родине, т. е. как деяние, умышленно совершенное гражданином в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности. По мнению заявителя, это положение противоречит статье 27 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

Согласно статье 27 (часть 2) Конституции Российской Федерации каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации; гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Конкретизация полномочий, составляющих содержание этого права, порядок и условия его реализации определяются Законом СССР “О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР”, действие которого в соответствии с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4183-1 “О вступлении в силу на территории Российской Федерации Закона СССР “О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР” с 1 января 1993 года распространено на территорию Российской Федерации. В этом Законе предусмотрены ограничения в праве на выезд, связанные с обеспечением безопасности и других охраняемых государством интересов, но эти ограничения носят временный характер и не лишают гражданина самого права свободно выезжать из страны и беспрепятственно в нее возвращаться.

Такое положение согласуется с содержащимися в пункте 2 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах и других международных актах установлениями о праве каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную, и об отсутствии у него какой-либо обязанности возвращаться в эту страну.

Ограничения права свободно выезжать за пределы Российской Федерации, как и любого иного конституционного права, допустимы в строго определенных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целях. Эти ограничения не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации, и влечь уголовную ответственность за бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы, квалифицируемые в соответствии с пунктом “а” статьи 64 УК РСФСР как измена Родине. Предусмотренное оспариваемой нормой деяние в силу Конституции Российской Федерации, а также международных договоров с участием Российской Федерации не может рассматриваться как преступление, посягающее на оборону, суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность или обороноспособность, служить самостоятельным основанием для уголовной ответственности за измену Родине.

4. Заявитель оспаривает конституционность и другой формы измены Родине — выдачи государственной или военной тайны иностранному государству — в связи с тем, что в бланкетную диспозицию этой нормы включаются секретные и поэтому не доступ-

ные гражданам перечни сведений, составляющих государственную тайну. Такое положение, по его мнению, не соответствует конституционным требованиям об условиях и пределах регулирования прав, обязанностей и ответственности граждан, в частности требованию о том, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (часть 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации).

Гарантированные в статье 29 Конституции Российской Федерации свобода мысли и слова, право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию могут осуществляться любым законным способом. Эти права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо, в частности, в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Следовательно, государство вправе относить те или иные сведения в области военной, экономической и других видов деятельности, распространение которых может нанести ущерб обороне страны и безопасности государства, к государственной тайне. В связи с этим статьей 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации предусмотрено, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Государство вправе также определять средства и способы охраны государственной тайны, в том числе устанавливать уголовную ответственность за ее разглашение и выдачу иностранному государству.

Однако в силу указанной конституционной нормы уголовная ответственность за выдачу государственной тайны иностранному государству правомерна лишь при условии, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, содержится в официально опубликованном для всеобщего сведения федеральном законе. Правоприменительное решение, включая приговор суда, не может основываться на неопубликованном нормативном правовом акте, что вытекает из статьи 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Реализация требования статьи 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации обеспечивается Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года “О государственной тайне”, в котором определено понятие государственной тайны и указаны сведения, относимые к государственной тайне.

Таким образом, установление уголовной ответственности за выдачу государственной или военной тайны иностранному государству не противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 3), 29 (часть 4), 55 (часть 3).

5. В жалобе В. А. Смирнова поставлен вопрос о признании не соответствующим Конституции Российской Федерации и такой формы измены Родине, как оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации, ввиду неопределенности признаков данного состава преступления.

Установление уголовной ответственности за измену Родине в форме оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации, умышленно совершенное гражданином в ущерб ее суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности, не противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 4 (части 1 и 3), 55 (часть 3), 59 (часть 1).

Определение степени формализации признаков того или иного преступления как составная часть нормотворческого процесса — исключительная компетенция законодателя. Необходимые же разъяснения по возникающим в судебной практике вопросам применения норм уголовного законодательства, согласно статье 126 Конституции Российской Федерации, дает Верховный Суд Российской Федерации.

На основании изложенного и руководствуясь частью первой статьи 71, статьями 72, 75 и 100 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положение пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, квалифицирующее бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы как форму измены Родине, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 27 (часть 2), 55 (часть 3).

Согласно частям первой и третьей статьи 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” указанное положение пункта “а” статьи 64 УК РСФСР утрачивает силу с момента провозглашения настоящего Постановления.

2. Признать положение пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, квалифицирующее выдачу государственной или военной тайны ино-

странному государству как форму измены Родине, соответствующим Конституции Российской Федерации.

3. Признать положение пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, квалифицирующее оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации как форму измены Родине, соответствующим Конституции Российской Федерации.

4. Согласно части второй статьи 100 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” уголовное дело в отношении В. А. Смирнова в части применения положения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, признанного настоящим Постановлением неконституционным, подлежит пересмотру Верховным Судом Российской Федерации в установленном порядке, если для этого не имеется других препятствий.

5. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” настоящее Постановление является окончательным, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

6. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” настоящее Постановление подлежит опубликованию в “Собрании законодательства Российской Федерации”, “Российской газете”, а также иных официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации. Постановление должно быть также опубликовано в “Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации”.

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Н. В. ВИТРУКА
ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА “А” СТАТЬИ 64
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР В СВЯЗИ
С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В. А. СМИРНОВА**

Проверка конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 УК РСФСР по жалобе гражданина В. А. Смирнова может быть осуществлена на основе предварительного решения общетеоретического вопроса об объеме содержания и допустимых пре-

делах реализации конституционных прав граждан, о возможности их ограничения. Конституционное право гражданина не безгранично: его содержание и пределы осуществления зависят от соотношения с другими конституционными правами и свободами гражданина, его конституционными обязанностями. Более того, права и свободы человека и гражданина, согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности и здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В целях рационального сочетания, гармонии интересов общества, государства и личности законодатель наряду с определением содержания конституционного права устанавливает порядок его реализации. Цель процессуального порядка реализации права состоит в обеспечении (гарантировании) пользования конкретными благами и ценностями, лежащими в основе содержания права. Процессуальный порядок реализации права может выступать и в качестве известного средства его ограничения для определенной категории граждан. Ограничение прав и свобод гражданина может быть осуществлено посредством исключения той или иной возможности (правомочия) из содержания права (свободы), а также путем установления специального порядка его реализации. Проследим это на примере конституционного права, установленного статьей 27 (часть 2) Конституции Российской Федерации: “Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации”. Настоящая конституционная норма соответствует требованиям международно-правовых документов (часть 2 статьи 13 Всеобщей декларации прав человека, часть 2 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах и др.). Реализация данного конституционного права может находиться в зависимости от выполнения гражданином его юридических обязанностей. К примеру, не может свободно покинуть пределы Российской Федерации гражданин, отбывающий меру уголовного наказания в виде лишения свободы.

В соответствии с положениями части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации конституционное право каждого свободно выезжать за пределы Российской Федерации может быть ограничено для определенной категории граждан путем установления специального порядка выезда за границу, предполагающего получение разрешения на выезд и возможности отказа со стороны компетентных органов на выезд при наличии установленных в законе оснований либо разрешение на выезд при условии выполне-

ния гражданином определенных обязанностей, например обязанности возвращения на Родину в установленные сроки.

Известное ограничение права каждого свободно выезжать за пределы страны содержится и в установлении иными государствами своих условий, правил въезда в их страну (получение, например, визы).

В жалобе гражданина В. А. Смирнова оспаривается конституционность положения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, согласно которому бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы на Родину, умышленно совершенное гражданином в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности страны, рассматриваются как самостоятельная форма измены Родине ввиду того, что, по мнению заявителя, это положение противоречит статье 27 (часть 2) Конституции Российской Федерации, содержание которой приводилось выше.

Бегством за границу может считаться лишь незаконный способ оставления гражданином территории своей страны, то есть пересечение границы с нарушением правил выезда за границу, а отказ возвратиться из-за границы на Родину в уголовно-правовом смысле может быть только в случаях действия обязанности гражданина, к примеру, обладающего государственной тайной, возвратиться на Родину в установленные сроки, что может определяться, к примеру, сроком заграничной командировки. Нарушение установленных правил выезда и возвращения на Родину в случаях наличия такой обязанности перед государством может быть квалифицировано законодателем в качестве административного или уголовного правонарушения, в зависимости от степени их общественной опасности. Такую квалификацию осуществляет законодатель на конституционном либо законодательном уровне.

Вопрос о криминализации бегства за границу и отказа возвратиться на Родину не является предметом конституционного регулирования, тем более в качестве самостоятельной формы измены Родине. Положительный ответ на данный вопрос был дан законодателем на законодательном уровне в содержании пункта “а” статьи 64 УК РСФСР. Однако судебная практика применения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР показала, что указанные действия — бегство за границу и отказ возвратиться на Родину — в качестве самостоятельной формы измены Родине не могут существовать де-факто. Указанные действия органично входят в состав других форм измены Родине (выдача иностранному государству государственной или военной тайны, оказание иностранному госу-

дарству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации), в их объективную сторону. На этой же позиции стояла и уголовно-правовая теория последних лет. Суды общей юрисдикции, рассматривавшие данную категорию уголовных дел, инкриминировали гражданам бегство за границу и отказ возвратиться на Родину в качестве измены Родине в одном ряду с другими формами измены Родине. В этом случае суды общей юрисдикции скорее действовали, руководствуясь идеолого-политическими установками, нежели принципами и логикой права и закона, выступали орудием преследования граждан за политические убеждения. Конституция Российской Федерации, предусматривающая право для каждого свободно выезжать за пределы Российской Федерации, не отрицает, а предполагает действие статьи 55 (часть 3), установившей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Установление ограничений конституционного права каждого свободно выезжать за пределы Российской Федерации допустимо, если они соответствуют требованиям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. В силу этого допустимо и установление специальных юридических обязанностей граждан при реализации конституционного права свободно покидать страну, а также юридической обязанности возвратиться на Родину для особой категории лиц, обладающих, к примеру, государственной тайной. Определение конкретных видов правонарушений за нарушение обязанностей при осуществлении конституционного права свободно покидать страну, в том числе криминализация и декриминализация составов преступлений, не входит в предмет конституционного регулирования, а составляет исключительную компетенцию законодателя и решается им на законодательном уровне. Это положение в равной мере относится и к квалификации выдачи иностранному государству государственной или военной тайны либо оказанию иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации как самостоятельных составов преступлений либо как самостоятельных форм измены Родине.

Исходя из уголовно-правовой теории и судебной практики, можно признать, что содержание пункта “а” статьи 64 УК РСФСР относительно бегства за границу или отказа возвратиться из-за границы на Родину как самостоятельной формы измены Родине является несовершенным и, возможно, даже ошибочным с позиции законодательного регулирования данного вида отношений между государством и личностью, ибо в данном случае нет необходимой ясности и четкости в решении вопроса о степени общественной опасности указанных неправомерных действий специальной кате-

гории лиц. Однако этот вопрос не является предметом конституционного регулирования.

С позиций конституционных положений законодатель имеет право устанавливать ограничения в содержании и реализации конституционного права свободно выезжать за пределы Российской Федерации, равно как и устанавливать специальный порядок осуществления данного права, предполагающего в том числе и обязанность возвращения из-за границы на Родину для специальной категории лиц. Выход за рамки конституционного права свободно покидать страну, нарушение порядка реализации указанного права, в том числе обязанности возвратиться из-за границы на Родину, может быть законодателем признано в качестве административного деликта либо уголовного преступления в зависимости от степени общественной опасности указанных правонарушений. Это в полной мере соответствует положениям действующей Конституции Российской Федерации.

В жалобе гражданина В. А. Смирнова оспаривается конституционность положения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР о выдаче иностранному государству государственной или военной тайны в силу существования неопубликованных для всеобщего сведения нормативно-правовых актов о сведениях, составляющих государственную тайну, что позволяет, по мнению автора жалобы, привлекать к уголовной ответственности за измену Родине без вины.

Часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации устанавливает, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом, который в силу того, что он затрагивает права, свободы и обязанности человека и гражданина, должен быть опубликован официально для всеобщего сведения (часть 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации). Однако это требование нельзя абсолютизировать. Известно, что на практике издаются подзаконные акты, которые конкретизируют положения федерального закона о государственной тайне по ее видам, субъектам (носителям) и т. п. В них предусматриваются организационные и иные меры, направленные на обеспечение и охрану государственной тайны. По мнению заявителя, все эти акты должны быть официально опубликованы для всеобщего сведения, и только в этом случае гражданин, выдавший государственную тайну иностранному государству, подлежит уголовной ответственности на основе пункта “а” статьи 64 УК РСФСР. С этим аргументом нельзя согласиться, так как данные акты являются актами специального действия, они должны быть известны

лишь тем лицам, к которым они обращены, так как касаются государственной тайны.

Вопрос о ссылке в судебных приговорах на нормативные акты, регулирующие вопросы государственной тайны, — это вопрос достаточности для юридической квалификации уголовно наказуемых деяний, и он должен решаться в каждом конкретном случае, исходя из установленных обстоятельств дела, а не априори.

Одновременно можно согласиться с автором жалобы в том, что к недостаткам формулировки выдачи иностранному государству государственной или военной тайны в качестве формы измены Родине следует отнести недостаточную ясность и четкость определения субъективной стороны (вины, мотивов, целей). Недостатки такого рода могут и должны быть устранены самим законодателем.

И, наконец, в жалобе В. А. Смирнова оспаривается конституционность такой формы измены Родине, как оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации, ввиду неопределенности данного состава преступления. Следует согласиться с тем, что в такой формулировке не просматривается тот необходимый уровень общественной опасности оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации, который позволял бы с достаточной степенью объективности, ясности и четкости рассматривать подобные деяния как измену Родине. Однако этот недостаток (пусть даже серьезный!), равно как и другие недостатки формулирования составов преступлений, в особенности, что касается их субъективной стороны (вины, мотивов, целей), должен исправить сам законодатель.

Известное влияние на формирование практики по применению оспариваемых положений пункта “а” статьи 64 УК РСФСР могут оказать высшие судебные инстанции при обобщении судебной практики по данной категории уголовных дел.

В жалобе гражданина В. А. Смирнова оспаривается установление ряда элементов объективной и субъективной сторон выдачи иностранному государству государственной тайны (например, является ли государственной тайной характеристика В. А. Смирновым ученых — коллег и должностных лиц, выданная представителю иностранного государства). Это входит в установление фактических обстоятельств уголовного дела В. А. Смирнова. Возможно предположить, что по уголовному делу В. А. Смирнова допущены судебные ошибки, но они не могут быть предметом рассмотрения Конституционного Суда.

На основании изложенного прихожу к выводу, что все вопросы, поставленные в жалобе В. А. Смирнова и разрешаемые в пункте “а” статьи 64 УК РСФСР, не получили разрешения в Конституции Российской Федерации, а также по своему содержанию, характеру и значению не относятся к числу конституционных. В силу указанных причин на основании требований статьи 68 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” дело о проверке конституционности оспариваемых положений пункта “а” статьи 64 УК РСФСР в связи с жалобой В. А. Смирнова не подведомственно Конституционному Суду Российской Федерации, и производство по делу подлежит прекращению.

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ А. Л. КОНОНОВА
ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА “А” СТАТЬИ 64
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР В СВЯЗИ
С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В. А. СМИРНОВА**

1. В соответствии со статьей 74 Закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” Конституционный Суд, принимая решение по делу, оценивает как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из места в системе правовых актов. Практика же применения статьи 64 УК РСФСР слишком серьезна и вопиюща, чтобы быть полностью проигнорированной в решении суда.

Статья 64 УК РСФСР в течение многих лет за редким исключением случаев подлинного шпионажа являлась фактическим инструментом политических репрессий, борьбы с инакомыслием, политическими противниками, способом жестокого подавления общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, охраны советского социалистического государства, наименование которого, кстати, сохраняется как в названии Кодекса, так и в тексте самой статьи.

В историко-правовом отношении эта статья наследует все признаки печально известной в годы сталинского террора статьи 58 прежнего УК о контрреволюционных преступлениях. Крайняя

идеологизированность этого состава преступления ярко усматривается из весьма типичного его определения в Курсе советского уголовного права: “Измена Родине — это измена политической и социальной среде, к которой человек принадлежит. Она представляет собой посягательство на единство гражданина с этой средой, противоестественный разрыв с нею, глубоко отрицательный социальный факт (?!). Это предательство народа, строящего коммунистическое общество, непосредственная помощь империалистической реакции, поджигателям войны, злейшим врагам прогрессивного человечества” (ЛГУ, 1973).

Уже само наименование преступления “измена Родине” не имеет четкого юридического содержания, а представляется скорее морально-политической оценкой. Характерно, что вместо правового понятия “выезд за границу” употреблено негативно-оценочное — “бегство”. Абсолютно неопределенными, допускающими любые толкования являются понятия “ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР”. Не поддается формализованному анализу и конкретизации деяние, обозначенное как “оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности”.

Представляется, что неопределенность как терминологии, так и юридического содержания целого ряда составов преступлений, включенных в статью 64 УК РСФСР, заведомо допущена законодателем именно в целях возможности их расширительного толкования и свободы усмотрения правоприменительных органов, что противоречит общим принципам права и принципам уголовного права в частности.

Отказ заявителю В. А. Смирнову в 1991 и 1995 гг. в пересмотре его дела в порядке надзора, как и ряд аналогичных проблем реабилитации жертв политических репрессий, показывает, что правоприменитель до настоящего времени стоит на тех же позициях. Политическая практика последних лет с элементами возрождения державного патриотизма, тоталитарного правосознания свидетельствует об опасности использования не дисквалифицированных до сих пор положений статьи 64 УК РСФСР в борьбе против политических оппонентов — “предателей”, “изменников”, “врагов народа” и т. п., в целях ограничения политических и других конституционных прав граждан. Все это говорит о высокой степени актуальности рассматриваемого вопроса.

2. В решении Конституционного Суда правильно указано на противоречие “бегства за границу или отказа возвратиться из-за

границы” как нормы п. “а” статьи 64 УК РСФСР положениям части 2 статьи 27 и части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, а также на то, что такие действия по своему характеру не могут быть посягательством на суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность, обороноспособность государства.

Однако в решении недостаточно полно обоснована невозможность квалификации подобных действий как измены Родине.

Буквальное толкование рассматриваемого состава преступления приводит к выводу, что сам факт перехода гражданина СССР на территорию иностранного государства, причем несущественно даже законным или противоправным образом, уже является изменой. Характерно, что уголовно-правовая доктрина и практика так и не смогла выработать единый непротиворечивый подход к субъективной стороне данного деяния, поскольку сама его формулировка предполагает объективное вменение, политическую оценку целей и мотивов субъекта как перебежку в лагерь классового противника, как несогласие, нелояльность, а следовательно, предательство по отношению к существующему строю, политике и т. п. Такая оценка подобных действий сложилась еще в первые годы советской власти и была юридически закреплена, например, в Постановлении ЦИК СССР от 21.11.29 “Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказавшихся вернуться в Союз ССР”.

С другой стороны, на практике это приводило к признанию подобных политических мотивов преступными независимо от действий, что видно из дела заявителя В. А. Смирнова. Так, доказательством его изменнических антисоветских побуждений послужило “регулярное прослушивание им подрывных западных радиостанций, негативное отношение к советской действительности, недовольство существующим в СССР строем, международной политикой, проводимой Советским государством, солидарность с лицами, занимавшимися антисоветской деятельностью, просьба к норвежским властям в предоставлении ему политического убежища”.

Таким образом, рассматриваемый состав п. “а” статьи 64 УК РСФСР как по своему содержанию, так и с учетом толкования и применения на практике противоречит закрепленным в Конституции Российской Федерации положениям о презумпции невиновности и виновной ответственности за совершение преступления (статья 49), вопреки смыслу положений статьи 55 Конститу-

ции Российской Федерации препятствует осуществлению основных политических прав и свобод человека и гражданина: свободы передвижения, выбора места пребывания, свободы выезда из страны и беспрепятственного возвращения в нее (статья 27), свободы мысли, выражения своих мнений и убеждений (статья 29, части 1, 3), противоречит принципу недопустимости преследования за политические убеждения (часть 2 статьи 63), праву искать убежище от преследования в других странах (п. 1 статьи 14 Всеобщей декларации прав человека, п. 4 статьи 15, статья 63 Конституции Российской Федерации).

3. Конституционный Суд Российской Федерации признал без всяких оговорок соответствующим Конституции положение п. “а” статьи 64 УК РСФСР о выдаче государственной или военной тайны, сославшись на то, что Законом от 21. 07. 93 “О государственной тайне” реализовано требование части 4 статьи 29 Конституции, однако при этом оставлены без внимания существенные моменты аргументации заявителя.

В судебном заседании было подтверждено, что и ранее, и в настоящее время действует целый ряд перечней сведений, составляющих государственную тайну. Эти перечни не утверждены федеральным законом, имеют ведомственный характер и не опубликованы в связи с их секретностью.

Формулировка статьи 64 УК РСФСР, равно как и существующая практика ее применения, допускает уголовную ответственность за выдачу сведений, содержащихся в любом из этих перечней. Более того, как видно из текста, уголовная ответственность наступает и за выдачу военных сведений, не относящихся по содержанию к государственной тайне. При этом сам факт того, относятся те или иные сведения к государственной или военной тайне, настолько неочевидны, что, как правило, в каждом конкретном случае назначалась специальная экспертиза.

Характерный пример представляет дело заявителя В. А. Смирнова. Последний был осужден за выдачу экспортеров продукции, запрещенной западными странами к ввозу в Советский Союз. Смирнову эти сведения были известны из открытых источников. Он не предупреждался и не давал какой-либо подписки об их неразглашении, не был допущен к секретным документам. Информация такого рода не обозначена как секретная ни в действующем ранее открытом перечне сведений, составляющих государственную тайну, ни в действующем ныне Законе “О государственной тайне”. Однако следствие и суд, вменяя Смирнову измену в форме выдачи государственной тайны, сослались на секретный и не опубли-

кованный Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну, утвержденный Постановлением СМ СССР от 03.12.80, о котором Смирнов знать не мог. Возможность объективного вменения при этом очевидна.

Такое толкование рассматриваемого состава п. “а” статьи 64 УК РСФСР совершенно недопустимо с точки зрения следующих конституционных норм:

— части 3 статьи 15, согласно которой любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения;

— части 3 статьи 55, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом;

— части 4 статьи 29, согласно которой право на информацию может быть ограничено перечнем сведений, составляющих государственную тайну, определенным федеральным законом.

Анализ вышеуказанных положений Конституции Российской Федерации приводит к очевидному выводу, что никакие другие перечни сведений, составляющих государственную тайну, кроме как официально опубликованные в федеральном законе, не могут служить основанием для ограничения права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (и независимо от государственных границ, как сказано в части 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.) и не могут тем более быть основанием уголовной ответственности за измену.

Кроме того, измена в форме выдачи государственной или военной тайны выделена в тексте статьи 64 УК РСФСР как самостоятельный состав, якобы отличный от предыдущей формы — шпионажа. Однако теоретически и практически дифференцировать эти два состава, провести между ними какие-либо существенные различия представляется абсолютно невозможным. И то, и другое формально есть умышленная передача (то же — выдача) государственной тайны иностранному государству. При отсутствии признаков измены или шпионажа подобное деяние, как известно, квалифицируется по статье 75 УК РСФСР как разглашение государственной тайны.

Таким образом, наличие в статье 64 УК РСФСР самостоятельной формы измены в виде выдачи государственной или военной тайны, не являющейся шпионажем или разглашением государственной тайны, не имеет логического и юридического обоснования и на практике приводит либо к объективному вменению,

как в деле Смирнова, либо к искусственному удвоению вины и наказания, что противоречит положениям статей 4 и 50 части 1 Конституции Российской Федерации. Отсутствие четко выраженных юридических различий указанных составов преступлений ведет к очевидному произволу правоприменителя и, следовательно, нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом (часть 1 статьи 19).

4. Оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР является одним из самых неопределенных составов п. “а” статьи 64 УК РСФСР.

Теоретически под эту формулировку подпадает все, что не охватывается другими составами этой статьи, хотя на практике она используется как некая обобщающая форма измены, в обязательном порядке присущая и всем остальным составам, искусственно удваивая и усложняя тем самым квалификацию деяния.

Месторасположение и смысл формулировки данного состава свидетельствуют о том, что перечень форм измены не закрыт и правоприменитель может отнести сюда и некие иные деяния, которые он в дальнейшем сочтет нужным квалифицировать как измену.

Уголовно-правовая доктрина и практика давно уже указывали на дефектность данного состава, на отсутствие конкретно определенных уголовно порицаемых форм проявления так называемой “помощи во враждебной деятельности”, однако до настоящего времени законодателю этого сделать не удалось в силу принципиальной невозможности, по нашему мнению, дать адекватную формулировку этого состава как какой-то особой формы измены.

Все известные из практики примеры указывают либо на различные формы прикосновенности и соучастия в шпионаже (вербовка агентуры, сбор шпионских сведений и т. п.), диверсиях, террористических актах и других преступлениях, требующих иной квалификации. В остальных случаях понятию враждебной деятельности придавался сугубо политический смысл в таких характерных терминах, как “подрывная пропаганда”, “идеологические диверсии”, “антисоветские акции” и т. п. Подобную “деятельность” весьма легко было квалифицировать как измену, “приносящую ущерб интересам СССР”, “подрывающую” или “ослабляющую советское государство”...

Дело Смирнова — один из примеров подобного рода. Он был осужден, в частности, за то, что сообщил представителям Норвегии обывденные характеристики своих сослуживцев, которые, по мнению следствия и суда, “могли быть использованы иностранными разведками для проведения идеологических диверсий, склонен-

ния советских граждан к измене Родине и организации иных враждебных акций, на подрыв и ослабление советского государства”.

Таким образом рассматриваемый состав п. “а” статьи 64 УК РСФСР дает все основания к противоречивому произвольному его толкованию правоприменителем, в том числе допускает осуждение по сугубо политическим мотивам.

Это противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, которые в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы: требованиям к уголовному закону, который должен ясно и четко определять элементы преступления (документ Копенгагенского совещания Конференций по человеческому измерению СБСЕ, п. 5.18), требованиям справедливого и беспристрастного правосудия (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., часть 1, статья 14).

Конституционный Суд в своем решении косвенно признал дефективность рассматриваемой нормы УК, однако вопреки ранее сформулированной позиции не счел эту норму не соответствующей Конституции. В постановлении от 25. 04. 95 по жалобе гражданки Л. Н. Ситаловой Конституционный Суд однозначно заявил: “возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией Российской Федерации равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1)”.

Представляется, что аналогичный вывод тем более обоснован в данном случае.

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТАТЬИ 265 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАНИНА А. А. ШЕВЯКОВА**

**Постановление
Конституционного Суда Российской Федерации
от 25 апреля 2001 г. № 6-П**
*(Собрание законодательства Российской Федерации.
2001. № 23. Ст. 2408)*

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Н. С. Бондаря, судей Н. В. Витрука, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, А. Я. Сливы, О. И. Тиунова, Б. С. Эбзеева, В. Г. Ярославцева,

с участием гражданина А. А. Шевякова, обратившегося с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, представителей Государственной Думы — депутатов Г. Б. Мирзоева и С. А. Попова, представителя Совета Федерации — адвоката А. В. Похмелкина,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97, 99 и 86 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А. А. Шевякова на нарушение его конституционных прав статьей 265 Уголовного кодекса Российской Федерации, примененной в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела заявителя.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. Л. Кононова, объяснения сторон и их представителей, заключение эксперта — доктора юридических наук С. Г. Келиной, мнение специалиста — кандидата юридических наук Л. Д. Ольшанского, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации — судьи Верховного Суда Российской Федерации А. М. Бризицкого, от Министерства внутренних дел Российской Федерации — Б. Я. Гаврилова, от Генеральной прокуратуры Российской Федерации — И. Д. Камынина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. 4 февраля 1999 года гражданин А. А. Шевяков был осужден Тверским межмуниципальным (районным) судом города Москвы за совершение преступлений, предусмотренных частью первой статьи 264 (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), 265 (оставление места дорожно-транспортного происшествия) и 125 (оставление в опасности) Уголовного кодекса Российской Федерации. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев дело в кассационном порядке, определением от 5 апреля 1999 года отменила приговор и прекратила дело за отсутствием состава преступления в части осуждения А. А. Шевякова по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 125 Уголовного кодекса Российской Федерации, в остальной части приговор был оставлен без изменения.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А. А. Шевяков оспаривает конституционность статьи 265 УК Российской Федерации. Как утверждает заявитель, содержащейся в данной статье нормой, по существу, вводится уголовная ответственность за отказ содействовать в расследовании дорожно-транспортных происшествий, а на водителя, совершившего это преступление, возлагается обязанность сохранять и предоставлять правоохранительным органам доказательства своей вины, что противоречит положению статьи 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против себя самого. Кроме того, по мнению заявителя, статья 265 УК Российской Федерации противоречит статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку фактически устанавливает ответственность за те же действия и их последствия, ответственность за которые предусмотрена статьей 264 УК Российской Федерации, что приводит к двойному наказанию за одно и то же преступление.

2. Конституционный принцип правового государства, возлагающий на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод (статья 1, часть 1; статья 2; статья 45, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Конституция Российской Федерации, обладающая высшей юридической силой и прямым действием (статья 15, часть 1), закрепляет основные начала взаимоотношений государства и личности, в

том числе в уголовно-правовой сфере (статьи 18, 49, 50, 51 и 54), при соблюдении которых государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств. Использование мер уголовной ответственности оправдано, кроме того, необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты здоровья, нравственности, прав и законных интересов других лиц.

Статья 265 УК Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 данного Кодекса и включающих причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, а также смерть одного или более лиц.

Уголовный закон, закрепляя обязанность лица, управляющего транспортным средством и нарушившего правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, под угрозой наказания оставаться в таких случаях на месте дорожно-транспортного происшествия, связывает данную обязанность с интересами всех участников дорожного движения и необходимостью обеспечения выполнения ими взаимных обязательств, порождаемых фактом дорожно-транспортного происшествия. Это обусловлено в том числе характером отношений, складывающихся между водителем, управляющим транспортным средством как источником повышенной опасности, и другими участниками дорожного движения, и не противоречит конституционно-правовому требованию о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Устанавливая уголовную ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, включающих причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, а также смерть одного или более лиц, государство реализует свою конституционную обязанность защищать достоинство человека, его права и свободы, в том числе право на жизнь и здоровье, обеспечивать права потерпевших от преступления и компенсацию причиненного им ущерба

(статья 2; статья 20, часть 1; статья 21; статья 41, часть 1; статья 45, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации). Исходя из определяемых Конституцией Российской Федерации основ уголовно-правовой ответственности, криминализация данного деяния не может расцениваться как недопустимое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность лиц, виновных в дорожно-транспортном происшествии (статья 22, часть 1; статья 55 Конституции Российской Федерации).

3. Вытекающая из статьи 265 УК Российской Федерации обязанность лица, нарушившего правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, оставаться на месте происшествия в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 данного Кодекса, не препятствует ему воспользоваться правом не свидетельствовать против себя самого (статья 51, часть 1, Конституции Российской Федерации), которое должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства. Данное конституционное право предполагает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления органам дознания и следователю других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении преступления.

Право каждого не свидетельствовать против себя самого, как и право не быть обязанным доказывать свою невиновность и считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке, в силу статьи 18 Конституции Российской Федерации являются непосредственно действующими и должны обеспечиваться, в том числе правоприменителем — на основе закрепленного в статье 15 (часть 1) Конституции Российской Федерации требования о прямом действии конституционных норм. С учетом этого при установлении обстоятельств дорожно-транспортного происшествия и возбуждении уголовного дела соответствующие должностные лица обязаны разъяснить лицу, управлявшему транспортным средством, нарушившему правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и оставшемуся на месте дорожно-транспортного происшествия, его право отказаться от дачи объяснений, показаний и от предоставления иных доказательств по поводу данного происшествия. Доказательства же, которые были получены от него принудительно, не могут быть положены, как следует из статей 49 (часть 2), 50 (часть 2) и 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в основу выводов и решений по уголовному делу.

4. Согласно статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же

преступление. В силу данной конституционной нормы исключается возможность осуждения лица за одно и то же деяние как за несколько самостоятельных преступлений.

Положения, закрепляющие принцип “non bis in idem”, суть которого сводится к тому, что никто не может быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое он уже был окончательно оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства, содержатся в Международном пакте о гражданских и политических правах (пункт 7 статьи 14) и Протоколе № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 4). Европейская конвенция о выдаче, вступившая в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 года, определяет действие данного принципа в отношениях между государствами. В целях недопущения повторного осуждения лица за преступление, совершенное вне пределов Российской Федерации, если ответственность за него установлена уголовным законодательством Российской Федерации, статьей 12 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что такое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только в том случае, если оно не было осуждено за это преступление в иностранном государстве.

Нарушение лицом, управляющим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека либо смерть одного или более лиц (статья 264 УК РФ), и оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления указанных последствий (статья 265 УК РФ) образуют самостоятельные составы преступлений, и, следовательно, установление ответственности за каждое из этих деяний не означает нарушения статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление.

Таким образом, статья 265 УК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации. Разрешение же вопросов, связанных с уголовно-правовой квалификацией указанных деяний, включая оценку фактических обстоятельств, мотивов оставления места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила

дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 УК Российской Федерации, относится к компетенции судов общей юрисдикции и должно осуществляться с учетом предписаний статей 49 (части 1 и 2), 50 (части 1 и 2), 51 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать статью 265 Уголовного кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации.

2. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

3. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в “Собрании законодательства Российской Федерации” и “Российской газете”. Постановление должно быть опубликовано также в “Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации”.

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ А. Л. КОНОНОВА**

Вопрос, поставленный заявителем, очевидно, требует по крайней мере уяснения того, в чем суть состава преступления, предусмотренного статьей 265 УК РФ, каково содержание и смысл его объективной стороны — действия или бездействия, запрещенного уголовным законом, что представляет собой обязанность, возложенная на субъекта данного преступления, и в каком соотношении данный состав находится с другими составами, вмененными заявителю, — статьями 264 и 125 УК РФ.

Без разрешения всех этих вопросов, которые были в центре судебного заседания и составляли собственно основу судебного спора в данном деле, невозможно дать обоснованный ответ, соответствует ли оспариваемая норма Конституции РФ. Это требование вытекает из части второй статьи 74 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, где прямо указано, что, принимая решение по делу, Конституционный Суд оценивает как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным или иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Наличие же многочисленных отсылок к тем или иным конституционным нормам само по себе ничего не объясняет, поскольку неясно, с какой правовой реальностью они соотносятся.

Выступления сторон и других участников процесса и исследованные в судебном заседании материалы свидетельствуют о том, что все указанные вопросы не имеют однозначного решения, а юридическая доктрина и правоприменительная практика кардинально расходятся в толковании статьи 265. Это противоречие усугубляется и тем, что содержащаяся в ней норма представляет собой новеллу в уголовном законодательстве. Она была введена в действие с 1 января 1997 года в составе нового Уголовного кодекса РФ и не имеет устоявшейся и определенной практики применения.

По буквальному смыслу положения статьи 265, уголовная ответственность установлена за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Однако очевидная недостаточность данной формулировки для выявления цели и смысла обязанности водителя оставаться на месте происшествия повлекла попытки найти и обосновать необходимость криминализации этого деяния.

Один из вариантов доктринального обоснования исходит из местоположения рассматриваемого состава в главе о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта, объектом посягательства которых, в частности, рассматривается жизнь и здоровье потерпевших при дорожно-транспортных происшествиях. Имеются в виду также установленные пунктом 2.5 Правил дорожного движения требования к водителю при дорожно-транспортном происшествии, в числе которых обязанность принять возможные меры для оказания помощи пострадавшим. Таким образом, уголовно наказуемый запрет оставлять место дорожно-транспортного происшествия, предусмотренный статьей 265 УК РФ, интерпретируется в некоторых комментариях как специаль-

ная для дорожно-транспортных преступлений норма по отношению к общей норме, предусмотренной статьей 125 УК РФ (заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни и здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни и здоровья состояние). При этом, очевидно, подразумевается, поскольку какой-либо оговорки на этот счет закон не содержит, что, оставаясь на месте происшествия, виновный в нем водитель не уклоняется от оказания помощи, а покидая его, не выполняет своей обязанности.

В этом случае в соответствии с правилом, предусмотренным частью третьей статьи 17 УК РФ, при конкуренции общей и специальной норм уголовная ответственность наступает по специальной норме, и, следовательно, статья 265 УК РФ в указанной выше интерпретации не может быть применена одновременно со статьей 125 УК РФ.

Обязанность оказания помощи пострадавшему в дорожно-транспортном происшествии виновным в нем водителем очевидна и не подвергалась сомнению ни заявителем по настоящему делу, ни кем-либо из других участников процесса. Однако то, что нарушение именно этой обязанности охватывается диспозицией статьи 265 УК РФ, не имеет достаточного доктринального основания и не подтверждается в практике ее применения. Подобного утверждения нет и в решении Конституционного Суда.

Так, ответственность за посягательство на жизнь и здоровье потерпевших вследствие нарушения Правил дорожного движения водителем транспортного средства прямо предусмотрена статьей 264 УК РФ, которая как раз и обеспечивает в данной ситуации уголовно-правовую охрану этих ценностей. Правила дорожного движения, включая предусмотренные п. 2.5 обязанности по оказанию помощи потерпевшим, относятся прежде всего к сфере, регулируемой административным законодательством, и не связывают обязанность оказания помощи с оставлением или неоставлением места происшествия, а, наоборот, предусматривают в экстренных случаях необходимость оставления места для доставления пострадавшего в лечебное учреждение. Буквальный текст диспозиции статьи 265 УК РФ также не содержит каких-либо упоминаний о неоказании помощи пострадавшему как обязательном признаке данного состава преступления, связывая действие виновного и наступление уголовной ответственности лишь с оставлением места происшествия. Между тем сопоставление с другими норма-

ми Уголовного кодекса показывает, что в тех случаях, когда законодатель имеет цель пресечь общественно опасное уклонение от обязанности по оказанию помощи нуждающимся в этом лицам, он прямо и определенно указывает на это в диспозиции нормы (статьи 124, 125, 270 УК РФ), осуществляя тем самым уголовно-правовую охрану жизни и здоровья граждан.

Выработанная за многие годы правоприменительная практика в тех случаях, когда в ситуации дорожно-транспортного происшествия имело место заведомое оставление без помощи потерпевшего водителем, в результате виновных действий которого потерпевший оказался в опасном для жизни и здоровья состоянии, квалифицировала эти преступления по совокупности статей, аналогичных действующим статьям 264 и 125 УК РФ. Соответствующая позиция содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. “О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях”, которое, по мнению Верховного Суда РФ, сохраняет свое значение и в настоящее время.

Заявитель А. А. Шевяков был привлечен к уголовной ответственности и осужден по трем статьям — 125, 264 и 265 УК РФ. Таким образом, следственные органы, прокуратура и суд первой инстанции полагали, что каждая из этих уголовно-правовых норм образует самостоятельный состав преступления и что статьи 125 и 265 не соотносятся между собой как общая и специальная норма. Из этого же исходила и кассационная инстанция, которая исключила из приговора ст. 125 УК РФ, руководствуясь не соображениями избыточности и не правилами о конкуренции общей и специальной нормы, а потому, что не усмотрела виновности подсудимого в неоказании помощи потерпевшему. Верховный Суд РФ также придерживается мнения, что нет оснований рассматривать статью 265 УК РФ как особый случай неоказания помощи потерпевшему. Однако в таком случае остается неясным, какую именно цель преследовал законодатель, обязывая субъекта под страхом уголовной ответственности не покидать место преступления.

Аргументация настоящего решения также не вносит ясности в этот вопрос. Обязанность лица оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия под угрозой уголовной ответственности здесь связывается с некими интересами всех (?) участников дорожного движения и необходимостью обеспечения выполнения ими (?) взаимных обязательств, порождаемых фактом дорожно-транспортного происшествия.

Между тем даже административное регулирование не распространяет на всех лиц, причастных к дорожно-транспортному

происшествию, тем более на всех участников дорожного движения, формальное требование оставаться на месте во всех случаях, а, наоборот, допускает даже при виновном нарушении при отсутствии пострадавших и взаимном согласии водителей в оценке причиненного ущерба правомерность покидать место происшествия и без вызова милиции (например, п. 2.6 Правил дорожного движения). Кроме того, общепризнанные принципы и нормы международного права не допускают установление уголовной ответственности за невыполнение гражданско-правовых обязательств.

Если же речь идет о более конкретных объектах уголовной защиты, таких, как жизнь, здоровье потерпевших и обеспечение их права на компенсацию причиненного им ущерба дорожно-транспортным преступлением, то это именно те объекты, те последствия и то деяние, которые прямо предусмотрены и полностью охватываются иным составом преступления, предусмотренным статьей 264 УК РФ, и не имеют никакого отношения к рассматриваемой норме. Последняя, являясь формальным составом, не предусматривает каких-либо иных, не перечисленных в статье 264, последствий и тем более не требует установления причинной связи между ними и фактом оставления места происшествия. Следовательно, можно предположить, что или статьи 264 и 265 устанавливают ответственность фактически за одно и то же деяние, что само по себе противоречит принципам права, или предусмотренная статьей 265 обязанность остаться на месте преступления является, по сути, уголовно-обеспечительной мерой установления личности виновного и получения необходимых доказательств для привлечения его к уголовной ответственности по статье 264. Однако в принятом решении нет подобного вывода, очевидно, в силу слишком явного его противоречия последующим рассуждениям о том, что такого рода доказательства, полученные путем принуждения, не могут быть положены в основу выводов и решений по уголовному делу.

2. В судебном заседании по настоящему делу практически все участники процесса неоднократно отмечали те или иные существенные недостатки, неточность, неконкретность, неясность, несовершенство, упречность, дефектность и неопределенность положений статьи 265 УК РФ, приводили в пример многочисленные ситуации дорожно-транспортных происшествий, в которых эти положения не могут быть адекватно истолкованы, указывали на трудности и противоречивость их применения.

Также противоречивы и не имеют однозначного ответа суждения относительно момента оставления места происшествия, после

которого может наступить уголовная ответственность; по поводу характера и объема обязанностей, которые возлагаются на водителя уголовно-правовой нормой; допускает ли она неосторожную или умышленную вину по отношению к последствиям; связаны ли данные последствия причинно только с деянием, предусмотренным статьей 264 УК РФ, или и с оставлением места происшествия; имеет ли юридический смысл в связи с этим различие в формулировках, употребленных законодателем по отношению к наступившим последствиям, — “повлекшие” в статье 264 и “в случае наступления” в статье 265 УК РФ; имеются ли в виду в этих статьях одни и те же нарушения Правил дорожного движения и какие именно нарушения предполагает статья 265, применяется ли она всегда в совокупности со статьей 264 или допускается возможность ее применения отдельно и независимо от вины водителя в создании уголовно наказуемой обстановки происшествия (примеры такой практики приводились в судебном заседании), может ли она применяться вместе или вместо статьи 125 УК РФ.

Учитывая тяжесть последствий ошибочного и произвольного применения уголовно-правовых норм, общие принципы права предъявляют к ним особенно жесткие требования определенности и конкретности содержания, предельной ясности и полноты описания признаков преступления, наличия четких критериев для определения запрещенного деяния, которые должны быть доступны пониманию, отчетливо сознаваться субъектом преступления и исключать любое иное, тем более расширительное, толкование правоприменительной практикой.

Критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю был сформулирован в ряде Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации (в том числе от 25 апреля 1995 года по делу о проверке конституционности статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР, от 15 июля 1999 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”). В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ “общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и

толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит — к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона”.

Отмеченные существенные недостатки юридической конструкции статьи 265 УК РФ, крайняя противоречивость в ее понимании и высокая возможность произвольного правоприменения позволяют сделать вывод о ее несоответствии требованиям статьи 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

3. Буквальное толкование положений статьи 265 УК РФ, к которому в ряде случаев склоняется и судебная практика, означает, что уголовно наказуемым является лишь сам факт оставления места дорожно-транспортного происшествия независимо от того, виновен или не виновен водитель в неоказании помощи пострадавшим. Об этом свидетельствует и отсылка диспозиции статьи 265 к последствиям, предусмотренным статьей 264, среди которых указана смерть потерпевшего, а в наиболее тяжких случаях — смерть двух или более лиц. Следовательно, закон запрещает покидать место происшествия и в обстоятельствах, когда помощь потерпевшим уже не имеет смысла. Также несостоятельно и презюмирование того, что, оставшись на месте происшествия, водитель уже тем самым не уклоняется от оказания помощи.

Уголовно наказуемый запрет покидать место происшествия, согласно диспозиции статьи 265, относится не ко всем водителям, а лишь к тем из них, кто, управляя транспортным средством, виновно нарушил правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причинив средний или тяжкий вред здоровью или жизни потерпевших. Иными словами, это означает уголовно-правовое принуждение лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей 264, остаться на месте преступления, признав тем самым себя причастным к происшествию с риском подвергнуться впоследствии уголовному наказанию. Таким образом, цель установления такой обязанности под страхом уголовной ответственности фактически не может быть иной, чем пресечь возможное уклонение виновного от разбирательства происшествия, принудить к содействию правоохранительным органам в установлении его личности, виновности и других фактических признаков преступления, причем в условиях и обстоятельствах отсутствия обычных уголовно-процессуальных гарантий. Так, в одном из комментариев к УК откровенно признается, что остаться водителю на месте происшествия необходимо, чтобы содействовать органам

милиции в расследовании случившегося. А по мнению Следственного комитета при МВД, основанием закрепления статьи 265 в Уголовном кодексе является общественная опасность уклонения виновных водителей от разбирательства ДТП.

Более того, практика применения статьи 265 УК РФ прямо связывает обязанность лица, виновно совершившего дорожно-транспортное преступление, с учетом пункта 2.5 Правил дорожного движения не только личным присутствием удостоверить свое участие в нем перед органами, компетентными вести разбирательство происшествия, но и с естественно сопутствующей этому необходимостью сохранить обстановку места происшествия, следы и другие доказательства, фактически уличающие водителя в совершении преступления. Так, заявитель по настоящему делу был осужден по статье 265 УК РФ, в частности, за то, что, как гласит формулировка его обвинения, он “не зафиксировал в присутствии свидетелей положение транспортного средства, следы и предметы, относящиеся к происшествию, не принял всех возможных мер к их сохранению и организации объезда места происшествия, не сообщил о случившемся в милицию, не дождавшись прибытия сотрудников милиции, с места происшествия уехал”. Отсюда вполне правомерен вопрос, соответствует ли уголовно-правовое принуждение лица, совершившего дорожно-транспортное преступление, остаться на месте происшествия конституционным запретам обязывать кого-либо свидетельствовать против самого себя и доказывать свою невиновность.

Статья 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации устанавливает, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Конституция не связывает при этом запрет обязывать кого-либо свидетельствовать против самого себя только лишь с уголовно-правовыми отношениями, с определенной стадией процесса или процессуальным положением субъекта данного права, а также только со свидетельскими показаниями как установленной процессуальной формой допроса.

Понятие “свидетельствовать или давать свидетельство” и в этимологическом, и в процессуальном смысле означает подтверждать или удостоверить какое-либо событие, очевидцем которого является свидетельствующий субъект, предоставлять доказательственную информацию об обстоятельствах и фактах, которой он обладает, и указывать источник этой информации, а само свидетельство выступает при этом как удостоверение, доказательство, улика.

Право не свидетельствовать против самого себя включает и право хранить молчание, то есть не давать свидетельства о любых фактах, содержащих не только инкриминирующую, но и оправдательную и иную информацию, которая могла бы быть использована для уголовного преследования или в поддержку обвинения.

Эти положения полностью корреспондируют принципу презумпции невиновности, закрепленному в статье 49 Конституции Российской Федерации, и в частности запрету обязывать обвиняемого доказывать свою невиновность (часть 2 статьи 49). Из этого же принципа с очевидностью вытекает, что под принуждением или под угрозой ответственности никто не может быть обязан к явке с повинной или к предоставлению какой-либо информации о фактах и обстоятельствах, на основании которых в отношении него может быть возбуждено уголовное преследование.

Согласно же позиции Конституционного Суда Российской Федерации, опирающейся на практику Европейского суда по правам человека и выраженной в Постановлении от 27 июня 2000 года по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова, понятие обвинения не обязательно связано с формальными признаками, закрепленными процессуальным законом, но содержательно включает и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого. Отсюда следует, что право не свидетельствовать против самого себя и презумпция невиновности, включающие невозможность принуждения к даче объяснений, показаний или иной уличающей данное лицо информации, относятся и к той стадии доследственной проверки, и к той ситуации, когда такая информация собирается компетентными органами в целях уголовного преследования данного лица, в том числе и в ходе разбирательства дорожно-транспортного происшествия.

Изложенное понимание конституционных норм о праве каждого не свидетельствовать против самого себя и хранить молчание согласуется также с нормами международного права, в соответствии с которыми в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (статья 15, часть 4; статья 17, часть 1, Конституции Российской Федерации). Аналогичное понимание этих прав выражено и в практике Европейского суда по правам человека.

Так, в своем толковании права на молчание как составной части права не давать показания против самого себя Европейский суд по правам человека исходит из того, что эти положения являются общепризнанными международными нормами, которые лежат в основе понятия справедливой судебной процедуры (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Они применяются в уголовном процессе в отношении всех деяний без какого-либо различия между самыми простыми и самыми сложными. Их смысл в защите обвиняемого от злонамеренного принуждения со стороны властей, что помогает избежать судебных ошибок и добиться целей, поставленных статьей 6. В частности, это право способствует тому, чтобы обвинение не прибегало к доказательствам, добытым вопреки воле обвиняемого с помощью принуждения или давления. Это право тесно связано также с презумпцией невиновности (пункт 2 статьи 6 Конвенции). По мнению Европейского суда, право не свидетельствовать против себя не может быть ограничено лишь признанием в совершении правонарушения или показаниями, прямо носящими инкриминирующий характер, но должно включать и любую иную информацию о фактах, поскольку она может быть в последующем уголовном процессе использована в поддержку обвинения. Нельзя ссылаться на общественный интерес в оправдание использования в целях обвинения ответов, добытых принудительным путем в ходе внесудебного расследования (судебное решение от 17 декабря 1996 года по делу Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства, аналогичная позиция в судебном решении от 25 февраля 1993 года по делу Функе (Funke) против Франции).

Одним из аргументов в судебном заседании в обоснование ответственности по статье 265 УК РФ была ссылка на Европейскую конвенцию о наказаниях за дорожно-транспортные преступления 1964 года, которую, однако, подписали лишь четыре государства и без участия России. Попытки введения подобной ответственности в ряде зарубежных стран в последние годы в целях понудить водителей к сотрудничеству с полицией привели к стиранию различий между административным и уголовно-правовым воздействием в регулировании сферы дорожного движения, вошли в противоречие с принципами права и гарантиями их обеспечения, обычно применяемыми в уголовном процессе, что вызвало повсеместно вмешательство органов конституционного надзора. Подобные дела, в частности, рассматривались в 1990—1999 годах в конституционных судах Испании, Германии, Франции, Хорватии, Кореи, в Верховном Суде Канады. В большинстве этих слу-

чаев рассматривался как раз вопрос о соответствии привилегии не свидетельствовать против самого себя установленной законом обязанности водителя, совершившего дорожно-транспортное преступление, остаться на месте или сообщить об этом в полицию.

При этом, как правило, органы конституционного надзора признавали, что обязанность сообщения в полицию о дорожно-транспортном происшествии ограничена, с учетом свидетельского иммунитета, лишь информацией, необходимой для оказания эффективной помощи пострадавшим и быстрого восстановления дорожного движения, и не может быть использована для уголовного преследования водителя (КС Республики Корея, решение от 27.08.90). Требование к водителю, совершившему транспортное нарушение, сообщить о себе в полицию противоречит праву не свидетельствовать против себя, поскольку обязывает его признать себя виновным в нарушении с риском подвергнуться наказанию (КС Испании, решение от 23.12.95). Подобное требование ставит обязанное лицо перед проблемой выбора между свидетельствованием против себя самого, или совершением нового правонарушения в виде сообщения ложных сведений, или молчанием, влекущим риск применения принудительных мер, что должно рассматриваться как покушение на свободу действий и нарушение права на уважение личности. Требование предоставить посредством своего собственного заявления предпосылки для обвинения или применения соответствующих санкций является необоснованным и не совместимым с человеческим достоинством (КС ФРГ, решение от 16.11.98). Весьма реальной и серьезной является возможность того, что разрешение использовать в уголовном процессе сделанное по обязанности сообщение о дорожно-транспортном происшествии могло бы повысить вероятность злоупотребления этим со стороны государства. Получение любой такой информации происходит в обстоятельствах, которые не позволяют использовать ее в уголовном процессе, поскольку это нарушало бы основной принцип правосудия, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против самого себя (ВС Канады, решение от 10.06.99).

Ситуация дорожно-транспортного преступления такова, что, оставаясь на месте до прибытия милиции, водитель неминуемо разоблачает себя как лицо, управлявшее транспортным средством в момент аварии, а сама обстановка места происшествия, сохранение которой также вменяется ему в обязанность, включая расположение транспортного средства, его состояние, наличие следов происшествия и т. п., представляет доказательства, уличающие его в совершении преступления. При таких условиях наивно

было бы полагать, что гарантии права не свидетельствовать против самого себя или хранить молчание имеют сколько-нибудь реальное содержание.

Таким образом, положения статьи 265 УК РФ, как обязывающие лицо, подлежащее уголовной ответственности за совершение дорожно-транспортного преступления, остаться на месте совершения преступления в целях содействовать установлению его виновности и тем самым принуждающие его свидетельствовать против самого себя и предоставить органам милиции информацию, которая может быть использована для возбуждения против него уголовного преследования, не соответствуют статьям 51 (часть 1) и 49 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

4. Принуждение лица, совершившего дорожно-транспортное преступление, остаться на месте происшествия — и, следовательно, ограничение его права на презумпцию невиновности и права не свидетельствовать против самого себя — не может быть оправдано и с точки зрения положений статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации о соразмерности и допустимых целях ограничения конституционных прав и свобод.

Указанные принципы являются фундаментальными принципами права, обеспечивающими справедливое судебное разбирательство и защиту обвиняемого от судебных ошибок, злоупотребления и злонамеренного принуждения со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование. Эти права не могут быть ограничены из соображений государственных или общественных интересов или в целях пресечения уклонения от уголовной ответственности, облегчения установления личности виновного или оказания принудительного содействия правоохранительным органам в проведении расследования и выяснении обстоятельств совершенного правонарушения.

В судебном процессе не было приведено каких-либо аргументов в пользу того, что поведение, запрещенное оспариваемой нормой, представляет какую-то уникальную угрозу или особую опасность, требующую исключения из общих принципов криминализации. Распространенность таких нарушений, по данным МВД, составляет лишь 6 процентов от общего числа преступлений, квалифицируемых по статье 264 УК РФ.

Учитывая, что в действующем Уголовном кодексе поощрение позитивного посткриминального поведения, как правило, достигается иными методами, в том числе путем установления обстоятельств, смягчающих наказание (статья 61 УК РФ), а ответственность, предусмотренная статьей 265 УК РФ, — единствен-